В предыдущих главах:

Последующие тренировки с Селвин прошли без дуэлей. Поттер переговорил с пятикурсницами Мэтлок и Эйвери, попросив первую изготовить родословную его семьи. Позже мальчик не сдержался и по сквозному зеркалу рассказал Джемме про занятия у профессора Люпина, в которых он противостоит дементору, и то, что он слышит, когда это существо рядом. Также, хоть и с большим запозданием, Поттер сообщил ей, что отдал дневник Тома Реддла директору школы Альбусу Дамблдору.

На выходных Гарри подтянул домашние задания, а потом позвал друзей, в том числе и Полумну Лавгуд, на поле по квиддичу, полетать. На обучении по защите от Тёмных искусств с пятикурсниками (младшим Уоррингтон и Причардом), те попросили показать им чары Патронуса, чтобы уметь противостоять дементорам. Во время ужина Гарри пришла посылка от Джеммы — Сыворotka правды для допроса Уизли. После этого Гарри встретился с Селвин; они устроили тренировочную дуэль, и мальчик осознал, что колдунья быстро учится и уже перестала быть лёгким противником.

Гарри Поттер использовал Сывортку правды на своей подруге — Трейси Дэвис, — попросту подлив зелье в кубок и воспользовавшись тем, что она ему полностью доверяет. Девушка поведала все свои тайны.

Гарри Поттер сидел в Большом зале и вяло ковырял вилкой в тарелке. После разговора с Трейси, которая была под действием под Сывортки правды и безжизненным голосом отвечала на все-все его вопросы, он был в каком-то оглушении, никак не приходил в себя. Мысли всё время вращались насчёт того, что поведала его подруга. Мальчик понимал, что девушка столько всего рассказала сокровенного, что сейчас оказалась полностью в его власти. И про неоднократное нарушение Статута, и про воровство у Гринграсс, и ещё про многое другое. Даже обнародование малой части хватит, чтобы полностью уничтожить её репутацию. Интересно, какие секреты скрывают другие слизеринки? Он задумчиво оглядел стол: от просиявшей на его взгляд Трейси, внимательно и спокойно посмотревшую в ответ Дафну, чисто и ясно расплывшуюся в улыбке Пэнси, потупившуюся Элизабет и до жадно кушающую и ничего не замечающую, кроме еды, Милисенту. Чтобы рассказали они, будь на месте Дэвис? Какие тайны скрывают? Если они поведали бы свои секреты, то тогда полностью были бы в его власти.

Но... Этот путь сулил весьма большие трудности. Вряд ли остальных удастся так легко выманить и невзначай угостить напитком с Сыворткой правды. Да и уже полученные сведения о всей жизни его подруги... Они подавляли, буквально заставляя голову трещать от мыслей, а щёки то и дело покрываться краской. Гарри осознал, что его отношение к Трейси изменилось, но никак не мог понять в чём и как. А сможет ли он принять тайные стороны жизни других слизеринок? Да и они могут заметить, что его поведение поменялось. Той же Дафне Гринграсс точно не откажешь в проницательности.

А если станет известно об использовании Сыворотки правды, то он проблем не оберётся. Хотя мальчик понимал, что одно дело, если факультет прознает, что он допрашивал Трейси Дэвис — полукровку, единственная защита у которой является он сам, и совсем другое, если на её месте будет Малфой или Гринграсс. Если узнают то, что он сделал с Дэвис, это вызовет куда меньший эффект. Да, к нему станут относиться с подозрением, но больших трудностей на факультете у него не будет, так как по сути это дело останется между ним и Трейси. А вот если это выйдет за пределы Слизерина, если узнают на других факультетах...

Хотя его итак большинство учеников Хогвартса до последнего времени считала кровожадным чудовищем, совершившим убийство. И лишь благодаря словам Дамблдора последователей этой теории уменьшилось, но, похоже, не полностью. Куда больше проблем будет, если о допросе Трейси узнают преподаватели. Гарри точно не мог припомнить правила, но не сомневался в том, что за такое его сразу бы отчислили. Он был целиком и полностью в этом уверен. Так стоило ли рисковать и ставить на карту исключение из Хогвартса? Снаружи замка где-то бродит Блэк, ищет его, а здесь он в безопасности под защитой мракоборцев, которые надёжно охраняли все подступы к школе. Тем более в нём зрело понимание, что такой допрос может сработать незаметно лишь один раз, ну или, может быть, два-три, если у него получится подлить зелье кому-нибудь из Уизли, как он планировал изначально. Но если использовать бесконтрольно Сыворотку правды на многих школьниках, то их странное поведение привлечёт куда больше внимания, чем если так будет вести себя один человек. Потому что у зелья оказался один негативный эффект, который он почти сразу заметил у Трейси. Хоть и действие Сыворотки правды спало с девушки, её поведение изменилось. Пока они сидели вместе в кабинете, доедали сладости, она всё время безудержно болтала, рассказывая то, что вряд ли поведала в обычном состоянии.

Это было большой проблемой. Такой её нельзя было вести ни в гостиную, ни в Большой зал. Мало ли что у неё спросит та же Пэнси? Да, когда Трейси очнулась, то она могла вообще не отвечать на вопросы, но если она начинала, то ей хотелось говорить только правду. А если она в лицо скажет Милисенте про то, что та толстая? Или пойдёт извиняться перед Дафной за кражу духов? Реакцию Гринграсс, перед которой при всей гостинной признаются, что её обокрали, Поттер представить не мог.

Это настолько удивило мальчика и даже напугало, что он не придумал ничего лучшего, чем предложить ей устроить первую тренировочную дуэль, когда они вместе доели все сладости. Сначала он объяснял ей, как нужно защищаться от проклятий. В конечном счёте во время дуэли он наложил на неё «Силенцио», так как защитными чарами Трейси не владела. Поттер сделал вид, что не может снять заклятие. Это должно будет уберечь её от ненужных вопросов во время ужина, а там заклинание само спадёт в течении часа или двух, да и скоро будет отбой. Девочку явно не обрадовал такой поворот событий, но к облегчению Поттера, от слёз она воздержалась, хоть и испугалась.

Как он потом прочитал из книги в своей спальне, собираясь на ужин, одним из побочных действий Сыворотки правды было неумение лгать в течении нескольких часов после её использования. Со временем действие зелья уменьшалось, полностью прекращаясь на следующий день. Одноклассникам в Большом зале он сообщил, что у них была тренировочная дуэль, она пропустила заклятие, поэтому молчит. Малфой даже уставился на Трейси с завистью, словно получение проклятие было какой-то важным преимуществом. Но теперь Поттер понимал, насколько не просто будет скрыть повторное применение Сыворотки правды, если этот побочный эффект повторится.

Уже сидя в гостиной, Гарри счёл, что усилия снова использовать на ком-то зелье не стоят всего этого. Слушая Драко, он то и дело бросал взгляды в сторону двери в женские спальни. Время поджимало и надо было идти на тренировку с Селвин. Но мыслями он возвращался к Трейси: она ушла в свою комнату, но чары с неё ещё не спали и девушка не могла говорить. Поттер поздно сообразил, что она не сможет снять защитные чары со своей двери, чтобы попасть к себе. Но колдунья не возвращалась обратно, и похоже — предположил мальчик, — что она не ставила никакие защитные заклинаний. Он прекрасно понимал её характер и если она не могла действительно попасть себе в спальню, то поднялась бы обратно в гостиную, обратившись за помощью к нему или просто села бы рядом. Тем более в её нынешнем состоянии была его вина. По крайней мере, Трейси никогда не была сильна ни в заклинаниях, ни в защите от Тёмных искусств, и наверняка не владела ни «Коллопортусом», ни тем более чем-то более сложным.

«Защищать свою комнату надо будет обязательно обучить её в первую очередь», — решил Гарри, вспоминая, как какие-то негодяи пытались пробраться в его комнату на первом курсе.

Была ещё одна проблема, о которой Поттер не сразу подумал. Он узнал слишком много. И ему будет сложно относиться к Трейси по прежнему. У него были хорошие отношения с Пэнси, и Дафной. Да и Милисента, и Элизабет с ним всегда были добры. Так же у него были весьма дружеские отношения и с Ноттом, и с Драко, и с Блейзом. И из этого вытекала ещё одна причина не использования Сыворотки правды. Что если он узнает такое, что не сможет с ними дружить после этого? Даже если эти секреты не будут касаться именно его самого, а каких-то их действий в прошлом, которые он сочтёт ужасными или некрасивыми. Да даже того, что рассказала сама Трейси относительно одноклассников уже вносило ужасную сумятицу. Как мог спокойно смотреть на Элизабет и не вспомнить слова Трейси о том, что у той нет груди, что она ходит без этого женского лифчика? Или как теперь расспрашивать единственную ходящую на древние руны Милисенту, зная, что ей очень лень заниматься этим предметом и скорей всего её раздражают вопросы или она не знает ответы и врёт ему, и не обращать внимание на её огромную грудь, которая, по словам Трейси больше, чем у всех девочек даже с

четвёртого курса? А что говорила Трейси про Гринграсс? Ужасные, грубые слова.

Да и зачем ему допрашивать своих друзей? У него не так много свободного времени, а на подготовку и сам разговор с Трейси ушло часа три и два с лишним галлеона, и это без учёта его сил и того, сколько он продумывал план мероприятия. Да и более того, он не знал, что делать с полученной информацией. И опасался, что такая громада уж слишком сокровенных сведений может запросто похоронить своим весом его самого. Он узнал столько много, а учитывая, что сама Трейси за прошедшие года рассказывала не мало, то он начал понимать, что ему сложно некоторые моменты вспомнить, говорила ли она добровольно или под Сывороткой правды. Но, с другой стороны, Трейси наверное сама не может помнить эти моменты. А самые её сокровенные тайны теперь он уж точно знал и помнил, что их она поведала под действием Сыворотки правды. Но пока он не собирался это использовать. В этом не было нужды. Тем более только часть из них можно было как-то объяснить проницательностью или большой осведомленностью в жизни Хогвартса, например, что он заметил тот момент с теми, как она украли духи. А многое другое он никак не смог бы использовать против неё. Надо постараться не перепутать, что она рассказывала сама, а что было получено под действием Сыворотки правды. Против воли девочки, недобровольно.

«Недобровольно».

Он еле слышно охнул. Вот тот момент, который его беспокоил. Он же планировал просто убедиться, что Сыворотка правды действует и какой эффект будет, когда действие спадёт. А в итоге выудил всю информацию из Трейси, которая ему доверяла и нуждалась в нём. Как-то нехорошо получилось. Мало того, что он узнал все её детские секреты, но теперь он знал, что нравится ей, как и весьма личные подробности.

Мальчик понемногу успокаивался. Теперь, когда он осознал, что тот червячок, который его беспокоил изнутри, был зовом совести, то стало куда легче. Он ведь не собирается использовать то, что узнал, против самой Трейси. Тем более, теперь он понимает её куда лучше и сможет ей помочь. А вот если она посмеет от него отвернуться, предать, то знает куда точно бить. Но Трейси для него итак в лепёшку расшибётся. Она предана ему настолько, насколько это вообще возможно. Тогда зачем ему что-то делать дополнительно к этому, принуждая её? А если что, он спокойно может намекнуть ей про итальянские духи Гринграсс. Но это в крайнем случае, зря пугать девушку до смерти не стоит, а то она пойдёт опять рыдать в свою спальню. Судя по её рассказу — она большая плакса. Но наверное все девочки такие, вспомнить, как Дафа расплакалась в коридоре поезда.

Похоже, что теперь Трейси его человек. Причём его человек намного больше, чем она сама осознаёт. Раньше он особо не уделял внимание Трейси. Ну крутилась она где-то на фоне. Никогда её переживания не были для него так важны, как той же Гринграсс. Но услышав многое вживую, поняв её характер, узнав всю её историю без всяких прикрас, то отношение к ней изменилось. Словно её образ обрёл незримые формы, стал живее, а переживания куда сердечнее. Она была куда более ранимой и слабой, но злости и готовности на пакости в ней тоже было куда больше, чем он полагал. За её милой улыбкой скрывался зверь, слабый, почти без когтей, но коварный и... вороватый. Воровство Поттер не поощрял. Даже живя у маглов, которые почти ничего ему не давали из личных вещей и никогда не дарили подарков, ему и в голову не приходило воровать. Ни как у посторонних людей, так и у них самих.

И всё же получилось, как он планировал. Теперь можно без всяких проблем обдумать, как допросить Уизли. Осталось только придумать, как подлить им Сыворотку правды. Но почему-то у него из головы не выходил кабинет, где сидели они вместе с Трейси, два стола между ними и монотонные ответы, которые она давала.

А некоторые сведения были вовсе интригующими, хоть и смущающими донельзя.

«Покупали нижнее бельё. Начала расти грудь».

Мальчик постарался выкинуть это из головы и поднялся из-за стола. Его ждала Селвин.

Селвин явно делала успехи, и на дуэли ему пришлось весьма непросто. Заодно они обсудили предстоящее мероприятие, которые планировалось через несколько недель. Костюм и зелья Джемма прислала почтой, что весьма обрадовало Селвин. Мальчик сначала гадал, стоит ли на следующие танцы с Пэнси облачиться в одеяние кельтов или опять надеть традиционную мантию. Слишком уж необычным были их рубахи и штаны. Разумеется, Селвин не обрадовала его, сказав, что именно в этом он должен быть и на «Ночи Морганы», как и в них ходить на танцы с Пэнси. А под конец староста, явно в отместку весьма тяжёлым дуэлям, создала магией чёрную и здоровую лошадь.

В древности маги не ведали ни искусства мгновенного перемещения, ни волшебных мётел, поэтому были вынуждены передвигаться верхом. И Гарри полагалось научиться скакать на лошади, так как придётся добираться именно на нём. Животное впечатляло своими колоссальными размерами. И хоть оно стояло смирно, а стремяна позволяли мальчику забраться на седло, у Поттера вышло не сразу. Лошадь громко заржала, повернув голову к своему неумелому наезднику, пока тот никак не мог устроиться на седле. Девушка не скрывала ухмылку, наблюдая за его попытками. Но всё же у Поттера получилось управлять лошадью и даже двигаться по ставшему сразу крохотному классу. Животное, благодаря магии, было послушным, но всё же имело собственную волю. Вид сверху немного потрясал. Было слишком высоко, даже Селвин, которая была намного выше третьекурсника, теперь казалась маленькой. Мальчик крепко держался за поводья, заставляя лошадь повернуть в сторону. Урок будет непростым.

Вечером следующего дня Поттер вместе с командой после тренировки завалился в гостиную. Надо было переодеться, немного отдохнуть и идти на ужин. Затем вечером его ждала очередная дуэль с Селвин. Но планы были нарушены, когда его на полпути перехватила Эйвери. Ему с трудом удалось не поёжиться, когда её блёклые синие глаза пронзительно заглянули в его, несмотря на то, что светловолосая девушка приветливо улыбалась.

— Гарри, идём, — с весёлой интонацией обратилась она к нему. — Просто здорово всё получилось. Ты будешь в восторге!

Он с удивлением уставился на неё.

— Идём, идём, — Эйвери улыбалась ему. — Тебя ждёт сюрприз.

Видя, что он медлит и ничего не делает, девушка неожиданно взяла его за руку, крепко ухватив, и потянула за собой. Мальчик, ощущая в своей ладони её холодные пальчики, пошёл за колдуньей к группе столов, где к его изумлению собралась неожиданная компания: Розамунда Мэтлок — пятикурсница, к которой он обратился с просьбой составить родословную, Уильям Причард — её одноклассник, с которым он проводил учебные тренировки, Гальфрид Бёрк — лысый щуплый парень в очках, помогающий ему с нумерологией, Розанна Белби — семикурсница с длинными тёмными волосами, светло-серо-синими глазами, открытым лицом и веснушками, Альдива Феркл — четверокурсница, с которой Гарри почти ни разу не беседовал и... Блейз Забини.

— Смотри что мы сделали, — стоящая слева Эйвери наконец отпустила его ладонь и вытащила волшебную палочку, повела ею и свёрнутый холст, лежащий на поверхности стола, распрявился, оказавшись просто колоссального размера. Он занял и поверхность стола сбоку и два верхних, но даже так не умещался, свисая на десятки сантиметров по бокам. — Та-да-ам!

Поттер склонился над холстом. Его взгляд разбежался, так тот был заполнен квадратиками с именами, фамилиями и датами, соединёнными линиями. Да тут сотни фамилий!

— К сожалению, — сказал Бёрк, — в библиотеке был только устаревший справочник, которому не одно десятилетие. Но у Альдивы были свои книги и...

— Ушло немало часов, — словно не слыша его, воскликнула Эйвери. — Но это так здорово! Вот здесь, Гарри, ты, — волшебница повела палочку в самый вверх.

На самом верху значилось: Родословное Древо Гарри Джеймса Поттера. Чуть ниже шла небольшая его фотография по плечи — мальчик тут же узнал себя в школьной форме, — его имя и фамилия с датой рождения 31.07.1980. Чуть ниже шла одинокая ветвь к Джеймсу Поттеру. Он склонился ниже. Даты жизни папы.

27.03.1960 — 31.10.1981.

Его отец родился в марте. Он не знал этого. А дата смерти... Он провёл пальцем по 31.10.1981. Это когда Волан-де-Морт пришёл убивать их. Фотографии отца не было, но зато ниже от него шли две нити — Поттер Флимонт (09.05.1904 — 27.12.1979) и Поттер (Фоули) Юфимия (27.07.1908 — 20.12.1979).

— Это твоя бабушка, — сказал Бёрк, обратив внимание куда смотрит мальчик. — Она и мистер Поттер заразились драконьей оспой. Так было написано в книге.

— Да Гарри и сам это прекрасно знает, — бросила Эйвери, недовольно зыркнув на Бёрка.

Вот значит кто у него дедушка и бабушка? Про них говорил Люпин... Флимонт Поттер. Умер за полгода до его рождения, прожив семьдесят пять лет.

«Очень доброжелательный волшебник с удивительным чувством юмора. А его твёрдости духа можно было позавидовать».

Юфимия Поттер прожила на четыре года меньше. По словам Люпина они оба умерли от драконьей оспы почти сразу же после свадьбы родителей Гарри.

— Да, они умерли почти сразу после свадьбы моих родителей, — пробормотал Поттер, невольно возвращаясь к своему отцу. К его удивлению, мамы не было на холсте. — Похоронены в Годриковой впадине.

— Да, род Флимонтов прервался на Флимонте Поттере, — кивнула Ферк.

— Вовсе нет! — воскликнул Бёрк. — Последней была София Флимонт, а её сын назвал в честь этой фамилии своего сына. Это было имя, а не фамилия.

— Гальфрид, я прекрасно это знаю, — огрызнулась Ферк, но по-доброму. — Просто пошутила.

«Судя по тому, что она назвала его по имени, — Поттер коротко глянул на них, заметив, что Бёрк растерянно улыбнулся на возмущение Ферк, — то они были как минимум друзьями или подружились, пока составляли моё древо».

Глаза мальчика спустились ниже, к родителям его бабушки Юфимии. Отец Фоули Карей (1884 — 1969), а мать Фоули Эвелин (1885 — 1944) в девичестве Маклагген.

— Маклагген?.. — еле слышно пробормотал Гарри, вспоминая игрока команды львов.

— Я пообщался с Маклаггеном, — взгляд Блейза метнулся на Маклагген Эвелин, бабушку его

отца. — Ну, ловцом Гриффиндора. Да только он ничего почти не знает про своих предков.

— А брат Фоули был министром магии! — добавил Причард. — Твой двоюродный прадед руководил Британией с тысяча девятьсот двадцать пятого по тысяча девятьсот тридцать девятый год.

Но мальчик уже смотрел на дедушку. Поттер Флимонт.

«Да, всё, как говорил Люпин. Они все мертвы».

Чуть ниже значился уже прадед мальчика Поттер Генри (1878 — 1961) и прабабушка Поттер (Корнфут) София (1881 — 1959). Это родители Флимонта Поттера.

— Корнфут София? — вопросительно протянул Гарри, снова натываясь на знакомую фамилию.

— Да, ты в родстве с нашим «великолепным» старостой, — сказала Эйвери, стоя вплотную к мальчику. — Не то, чтобы прямо есть чем гордиться, но тут уже ничего не поделаешь. Все чистокровные семьи друг с другом в родстве. Знаешь какое у нас с тобой родство? — лукаво спросила колдунья, заглядывая в лицо Гарри.

— Нет, — Поттер покачал головой.

— Я прихожусь тебе пятиюродной сестрой, — девушка показала на свой портрет, который окружало семейство Эйвери.

Эйвери Мэриан. 27.01.1978. Слева карточка — светлые волосы расправлены, горделивый взгляд синих взгляд, открытое горло, тёмное платье закрывало плечи, которые развёрнуты так, словно она сидит боком. Её фотография была единственной среди всех Эйвери.

— Как раз этот Корнфут женился на моей двоюродной пра... — она повращала указательным пальцем в воздухе, показывая, что не знает точное колено, — прабабке полтора века назад. У меня ещё два младших брата, один родился в этом году, а второй пойдёт через четыре года в Хогвартс.

Мальчик увидел, что мама у ней в девичестве была Бойд, звали Джанет, родилась в 05.12.1953. Отца звали Рингер Эйвери, 03.01.1960 года рождения. Он родился в один и тот же год, что родители самого Гарри. Значит и обучались на одном и том же курсе. Скопив взгляд на Мэриан, Гарри не стал сомневаться, где именно обучался её отец, тем более дружащий со Снейпом.

— И двое дяди, — продолжала рассказывать про свою семью девушка. — Один, к сожалению, погиб в тысяча девятьсот семьдесят шестом году, а второй недавно женился на миссис Макнейр. Она вроде бы двоюродная тётя Кэндис Макнейр.

Кэндис Макнейр — староста Слизерина шестого курса. Мальчик быстро обежал взглядом часть древа с Эйвери. Они часто роднились с Чанг; бабушка и дедушка Мэриан оказались друг другу родственниками, тоже носящими фамилию Эйвери, из одного рода. Ещё Эйвери пересекались с Голдстейнами, один раз с Данбарами, даже промелькнула фамилия Люпина, но детей у пары не было. Так же были в их роду женщины с фамилией Малфой и даже Олливандер.

— Лира Феркл (Эйвери), — под конец прочитал Поттер, а потом посмотрел на стоящую рядом Альдиву с такой же фамилией.

Судя по древу и скромным познаниям самого Гарри в генеалогии она приходилась троюродной сестрой Мэриан Эйвери.

— Милая сестричка, — улыбнулась той Эйвери, заставив опустить вниз глаза.

Поттер принялся разглядывать фамилии левее своего дедушки Флимонта. Поттер (Блэк) Дорей (1920 — 1977) и Поттер Карлус (1920 — 1974). Именно про них говорила Джемма! И у них оказался сын — Поттер Коллум (1950 — 1972). Умер двадцать один год назад. Ещё левее была одиноко указана Авила Поттер (1914 — 1931) — сестра Карлуса, но от неё не вело никаких линий.

— А кем этот Поттер Коллум мне приходится? — спросил Гарри, однако его глаза не могли оторваться от четырёх букв левее имени Дорея.

Б-л-э-к.

— Где? — сразу раздалось несколько голосов вокруг; их столы окружили другие слизеринцы, сколько хватало места.

— Так, — Бёрк поправил очки. — А, так, ммм... Ну Карлус Поттер приходился твоему деду Флимонту Поттеру двоюродным братом, значит его сын — Коллум Поттер — будет тебе троюродным дядей.

— Понятно, — кивнул Гарри.

Троюродный дядя. Какое дальнейшее родство. Ни у его бабушки, ни у дедушки не было родных братьев и сестер. У него не было ни то, чтобы двоюродных братьев, даже троюродных не было. Похоже, что Дадли и Дурсли единственные близкие родственники. И умерший Поттер Коллум.

Б-л-э-к.

Эта фамилия давила, приковывала взгляд. И Гарри всё же не выдержал.

— А Дорея Поттер. Она же из Блэков? Значит я в родстве с Блэками.

— Ну, строго говоря, — слово взяла Эйвери, смотря сбоку на лицо Гарри, но тот не отрывал взгляда от холста, — нет. Считается, что она вошла в семью Поттеров, но это не делает тебя кровным родственником Блэкам.

Действительно, родителей Дореи Блэк на древе не было.

— Мы просто не стали описывать семейство Блэков, — добавил Бёрк. — Так-то ты безусловно с ними будешь...

— Гальфрид! Хватит! — прервала его Эйвери.

Воцарилось молчание. Мальчик ощущал на себе изучающий взгляд сидящей за крайним правым столом темноволосой семикурсницы Белби. Её Селвин подслала?

«Безусловно буду с ними «что»? В родстве?» — но глаза мальчика зацепились за знакомую фамилию. Фарли! Эделина Поттер (Фарли) значилась матерью Карлусу Поттеру.

— А, родственница нашей бывшей старосты, — Эйвери сразу увидела, где остановился взгляд Поттера. — Годы жизни: тысяча восемьсот восемьдесят шестой по тысяча девятьсот сорок девятый. К сожалению, её родословную мы дальше не смотрели.

Мальчик просто кивнул, но волшебница как-то сразу поняла его интерес к этой фамилии.

— Фарли ещё встречаются. Вот здесь, — она ткнула на середину листа. — Фарли Марджери тысяча семьсот шестьдесят четвёртого года рождения. И ещё вот одна Фарли, тысяча семьсот сорокового года рождения.

Но мальчик лишь взглянул на них, а потом вернулся обратно, разглядывая снова часть древа со стороны мамы Джеймса. Он зацепился за фамилию Малфой. Его прадед или прапрадед Маклагген Бонифэйс взял в жёны Элизабет Малфой. Значит он в родстве с Малфоями? С Драко и его отцом, Пожирателем Смерти, Люциусом Малфоем? Он повёл пальцем вниз, от её отца — Мелвина Малфоя, — спускаясь до Осгорода Малфоя (1813 — 1883).

— А это уже шестое поколение до тебя, — кто-то подсказал сбоку, а палец мальчика повёл вправо, к брату Осгорода — к Валькелину, — а затем пошёл вверх, чтобы через несколько поколений замереть на Люциусе Малфое (04.04.1954) и его жене Нарциссе Малфой (11.11.1955), в девичье Блэк.

«Блэк! — вспыхнуло у него в голове. — Я и не знал, что мать Драко родственница убийцы. Хотя если её муж Пожира...»

— Это мои мама и папа, — раздался манерный голос Драко. — Я помог их добавить сюда.

— Да, — вклинулся Забини, — но зато ты так и не сказал даты жизни своих дедушки и бабушки.

Поттер обратил внимание, что только у родителей Драко были указаны даты рождения, а у остальных Малфоев только годы. Абракас Малфой — дед Драко — умер два года назад, а его жена Камесинна Розье более десяти лет назад. С удивлением, Гарри заметил, что у Нарциссы Малфой день рождения в точь-в-точь, как у Джеммы — одиннадцатого ноября. Родителей мамы Драко не было на древе.

— Я хотел ещё добавить фотографии, — обиженным тоном сказал Драко, хмуро посмотрев на Блейза, — но...

— У нас не хватило времени, — продолжила за него Эйвери.

— Да, непросто было всё это рисовать, — добавила Роза Мэтлок.

Мальчик посмотрел на неё и кивнул, показывая, что запомнил её старания. Поттер окинул взглядом холст, ощущая трепет и благоговение. Неужели у него тоже появится родословная, как у Джеммы? Такая же как у неё или даже лучше?

— Ну а это я, — озвучил очевидное Малфой, тыкнув в прямоугольник с «Малфой Драко (05.06.1980)». — Мой род ведёт от величайшего мага — Арманда Малфоя. Он был близким другом нашего основателя — Салазара Слизерина и...

Гарри не мог не заметить, как при этих словах Бёрка чуть передёрнуло от возмущения, но пятикурсник благоразумно промолчал.

— Так в каком мы родстве? — Поттер покосился на Драко.

— Ну... э-э, — замялся тот.

— Я же тебе говорила, Малфой, — вклинилась четверокурсница Альдива Феркл.

— Не очень близкая родня, — нашёлся Драко.

— Он приходится тебе семиюродным братом, — сказала Феркл, глядя на Малфоя несколько снисходительным взглядом.

«Друзьям Малфоя такое пренебрежение от неё не понравится».

— А я прихожусь тебе, — обратилась она к Гарри, — Поттер, шестиюродной племянницей и одновременно пятиюродной сестрой. Вот здесь я, — Феркл ткнула в область далеко от центра, в правой части родословной. — Мой прапрапрадед, — девушка загибала пальцы, считая «пра», — Беренгарий Феркл приходился твоему прапрапрадеду Бурингарию Ферклу родным братом, а общий наш предок — это Бенегер Феркл, родился в тысяча семьсот сорок седьмом году. Кстати, ещё вот что интересно, твой предок Бурингарий Феркл приходится мне одновременно двоюродным и родным родственником, — она ткнула на линию, ведущую от Ферклов к Шафикам, далее к Малфоям, затем к Эйвери, и вернувшуюся обратно к Ферклам. — Перехлёт образовался. Это иногда происходит, поэтому часто линии родословной

пересекаются, путаются. Так же мой прапрапрадед по линии Эйвери...

— Над вашим семейством проклятие веет, — обижено выпалил Драко, перебивая её.

Гарри промолчал, краем глаза видя, что кто-то кивнул. Но его взгляд зацепился, что женой Бенегера Феркла была Гундред Лестрейндж.

«Лестрейндж».

— Никто из Ферклов не живёт больше шестидесяти лет, — растягивая слова, протянул Малфой, зло улыбаясь.

— Вообще-то не больше шестидесяти шести, — вклинился Бёрк. — И это не распространяется на колдуний, которые вышли замуж.

— Мы про это не говорим, — севшим голосом сказала Феркл.

Гарри увидел, как её глаза наливаются слезами.

— Вроде у её одного предка было сразу семь сыновей сквибами... — раздался негромкий шёпот.

«Ну да, как я и думал. Накинулись»...

— Да, Феркл превратил их в ежей и оставил в таком в...

— Главное, что проклятие не задевает тебя, — попытался успокоить её мальчик, чуть улыбнувшись ей, что сразу прекратило споры.

Девушка закивала, благодарно улыбнувшись. Мальчик не смог не отметить, что сейчас её отцу было сорок два года, а значит он умрёт через двадцать четыре года или раньше, если слухи про проклятие верны.

— А годы жизни знаменитого Арманда Малфоя не знаешь, — раздался голос старосты Кэрроу, явно обращаясь к зачинщику спора.

Малфой покраснел.

— Я напишу отцу, — это прозвучало, как угроза. — И он пришлёт родословную.

— Ты лучше посмотри сюда, Поттер, — торжественно произнёсла Эйвери, показывая вниз листа. — Ты в родстве с знаменитыми Певереллами.

Поттер опустил взгляд в самый низ древа. Речь шла уже о тринадцатом веке. Бледный палец девушки указывал на Поттера Хардвина (1242 — 1323), который взял в жёны Певерелл Иоланту (1257 — 1330).

— Певерелл, — прошептал Гарри, словно пробуя на вкус. Он никогда не слышал про такую фамилию.

— Ага, — улыбаясь, весело подтвердила Эйвери. — Знаменитые и страшные Певереллы из сказок.

— Вот это самое важное, — Бёрк повёл ниже палочкой по Иоланты, указав на её дедушку. — Игнотус Певерелл, родился двенадцатого июля тысяча двухсот четырнадцатого года, а умер восемнадцатого мая тысяча двухсот девяносто первого года. Один из трёх братьев.

— Ну это больше легенда, Поттер, — сказала Феркл. — Сказка. Нет никаких точных фактов, — Бёрк явно хотел возразить, но та ему не дала. — Линия Певереллов прервалась давным давно. Зато вот здесь... — она задержала дыхание, но Гарри и сам увидел куда все смотрят.

Салазар Слизерин (930 — 1319).

— Салазар Слизерин. Наш основатель.

— Он женился на одной из Певереллов, — возбуждённо говорила Эйвери, — а потом их потомки снова соединились с Поттерами.

«Неужели всё-таки я в родстве со Слизерином? Ну это логично, я же владею змеиным языком».

— Жаль, что точные даты рождения и смерти основателя неизвестны, — сказала Феркл.

— Они упоминаются же в легенде, — раздался звонкий голос Астории Гринграсс.

— Да, только легенд не одна, поэтому и никто точно не знает дат, — спокойно парировала Феркл.

Пэнси тоже склонилась над холстом, её тёмно-зелёные глаза быстро разглядывали фамилии.

— А Паркинсон здесь нет.

— Зато фамилия Причард присутствует, — гордо сказал Уильям, обращаясь к Поттеру. — Теперь ты будешь знаком со всеми Причардами.

— Ну это только начало, будем ещё дополнять, — Феркл улыбнулась Пэнси. — И вроде бы твоя фамилия где-то точно была.

Поттер снова посмотрел на свой портрет, чувствуя гордость. Десятки, сотни его предков буквально ввели вглубь веков. Самый первый Поттер родился в 1194 году, отец упомянутого выше Хардвина.

Но что-то не хватило. Не было его матери. Лили Поттер. Правильно, его мама маглорождённая.

«И что?!» — злобно подумал Гарри.

Неужели он её стесняется?

«Только не Гарри! Только не Гарри!» — жуткие слова словно вкрутились в голову раскалёнными иглами, заставив мальчика побледнеть. — «Пожалуйста, я сделаю всё, что угодно...»

— Хорошая работа. Только ещё добавьте мою маму, — он взглянул в глаза каждому слизеринцу. — Лили Поттер.

— Э, хорошо, — отозвалась Феркл.

— Всё сделаем, — растерянно кивнула Эйвери.

— Да, ещё множество чего можно добавить, — живо отозвался Бёрк. — Фотографии и фамилии, даты... Я многим написал. Можно вообще составить родословную всего Слизерина.

— Было бы прекрасно, — улыбнулся Гарри.

Он взглянул на часы, с удивлением увидев, что прошла уйма времени.

— Просто превосходная работа, — Поттер оглядел стоящих рядом слизеринцев.

Похоже, что Бёрк с Феркл занимались поиском в учебниках и справочниках родословной, Мэтлок рисовала всё найденное, переносила на холст, а Эйвери и остальные... наверное, помогали.

— Спасибо, — тут же отозвалась Эйвери.

— Ну чтож, время ужина, — чуть улыбнувшись, Гарри направился в свою комнату. Ему хотелось как можно быстрее похвастаться Джемме Фарли.

— Я решил тоже сделать свою родословную, — гордо сообщил он, смотря в её чёрные глаза в зеркале. — Оказывается мы с тобой в родстве. Карлус Поттер женился на Фарли.

— Как интересно, — Джемма забралась с ногами на стул, поправив юбку, чтобы та полностью закрывала её колени, лодыжки и носки. — Карлус, говоришь? Так это не совсем родство же. Карлус приходится тебе родственником, а не его жена. И погоди-ка...

Видя, что она нахмурилась, собираясь возразить, Гарри вспомнил обсуждение в гостиной и понял, что ошибся, перепутав фамилии.

— Я неверно сказал. Карлус женился на какой-то Блэк, а вот его отец, вроде бы, на твоей родственнице.

— Не на какой-то, а на Дорее Блэк. А его мать звали Эделиной. И да, — Джемма холодно улыбнулась, — в девичестве она была Фарли.

— А ещё мой прадед в семнадцатом веке женился на Фарли, — живо выпалил Поттер. — И ещё один тоже в том же веке.

Джемма молчала кивнула, явно не впечатлённая.

— Я ещё и предок Слизерина, — заявил Гарри, пытаясь хотя бы этим её поразить. — Поттеры с ними породнились.

— Предок? — склонив голову, переспросила волшебница. — Ты хотел сказать «потомок»? Странно. А где ты нашёл об этом упоминание?

— Это не совсем я нашёл, — с легкостью признался Поттер, скрывая недовольство, что Джемма так быстро перешла к этому. — Попросил пятикурсников.

— Вот как, — протянула Джемма. — А спроси-ка их, как они сопоставили ваше родство. Что-то я не помню такого ни в одном из архивов и переписей.

Мальчик уставился на неё.

— Хорошо, как раз до ужина об этом поговорим. После ужина снова свяжусь с тобой.

В гостиной Гарри отозвал Бёрка в сторону, чтобы свободно обсудить без лишних ушей.

— Я хотел спросить, а как моя линия... Ну Поттеров... пересекается с линией Слизерина?

К удивлению мальчика, пятикурсник замялся.

— Ой, ну я... я не знаю, — он огляделся, словно ища спасения. — Сейчас позову Эйвери.

— Нет, — хмуро остановил его Поттер. — Говори ты.

— Только не говори Эйвери, ладно? — взмолился Бёрк, не отрывая бегающего взгляда от пола.
— Но сколько бы я книг не пересмотрел, Слизерин и Поттер не были в родстве. Пожалуйста, только не злись, ладно? А?

Поттер промолчал.

— Да, — тихо продолжил Бёрк, — наш основатель взял в жёны одну из Певерелл, но Аделина Певерелл — это правнучка Певерелла Кадма, родного брата Игнотуса.

— Так, — Гарри нахмурился, сказанное ему ничего не говорило. Он несколько запутался во всех этих именах, но постарался не показать этого.

— Ну я... — забормотал Бёрк. — Это она попросила так сделать. Ну что ты... ты будешь доволен... И...

Он замялся, не находя слов, судорожно вздрагивая, опустив голову. Гарри понял: ещё чуть чуть и тот разревётся как девочка.

— Я тебя не виню, успокойся. Я поговорю с ней. Ты всё правильно сделал. С родословной.

— Да, да, — радостно зашептал парень. — Спасибо.

— Только в следующий раз мне не лги.

— Да, я понял. Хорошо. Я не хотел.

— Но Эйвери же говорила, что я в родстве с Певереллами, — скрывая своё непонимание, снова спросил Гарри. — А они в родстве со Слизерином. Так что не так?

— Ну э-э-э... Смотри, по легенде, которую так гнусно отрицает Альдива, было три брата Певерелла. Антиох, Кадм и Игнотус. Внучка Игнотуса вышла замуж за Поттера, а правнучка Кадма за Салазара Слизерина. Это не делает родственниками Поттеров и Слизеринов. И это... чтобы их потомки пересекались, этого нигде нет. Это, безусловно возможно, — испуганно сказал он, — ведь с тех пор минуло семь столетий, но даже на уровне легенд такого нет. Это Эйвери сказала, чтобы мы так сделали. Но подтверждений нет.

«Эйвери?!» — мальчик посмурнел.

— И это... Ещё хотел сказать. Малфой говорил про дружбу его предка с основателем. Это всё выдумки, — Бёрк понизил ещё сильнее голос. — Салазар Слизерин очень чутко выбирал друзей. Арманд Малфой прибыл в Британию с Вильгельмом, который потом стал королём. И Малфой придерживаются того, что Вильгельм был лучшим другом их предка. И магом, мало уступающим всем четверым основателям. Они всё преподносят так, что Вильгельм и Малфой сделали немало для основания Хогвартса, чуть ли не нарекая их пятым и шестым основателем. Но это всё выдумки. Вообще-то Вильгельм был маглом и Арманд Малфой был у него в подчинении, — чуть ли не шёпотом закончил Бёрк. — И вроде бы Слизерин, наоборот, был в большой вражде с ними.

— Понимаю, — протянул Поттер. Родословная Малфоя его несколько не интересовала, хотя покушение Драко на то, что он тоже как связан с его предком Салазаром Слизерином ему не понравилось. — Ну ничего страшного, ты ведь продолжишь работу над этим. Может ещё что найдёте. И родство Поттеров со Слизерином может подтвердиться. И ещё, Бёрк, — Поттер постарался придать твёрдость своему взгляду, — я всё проверю, что у вас получилось. Надеюсь, больше таких приписок не будет?

— Нет-нет! Не будет, — затряс головой пятикурсник. И после молчания сказал: — И это... Насчёт родства.

— Да? — вкрадчиво спросил мальчик, ощущая, как угольки злости потихоньку разгораются ярче.

— Ну... — замялся Бёрк. — Мы ещё поищем, но боюсь, что род Слизерина исследован вдоль и поперек. Но мы ещё внесём в Древо даты рождения и смерти твоих более дальних предков. Мэтлок пока не успела это сделать, хотя я уже нашёл всё в справочнике. И это... Если не найдём... — пятикурсник поправил свои очки. — Поттер, если не найду подтверждение родства, то... Эм, а линию со Слизерином оставить?

Мальчик задумался. Это позволит ему сохранить легенду о Наследнике, но...

— Раз Эйвери это указала, то будет неправильным что-то менять, — с хитринкой вывернулся Поттер. — Но! Когда будет готова вся родословная, то сделаешь мне вторую копию. Версию, где всё так, как в книгах. И никому про это не скажешь ни слова.

— Я понял, — послушно кивнул Бёрк.

— Ну и убирай родословную к себе. Я не хочу, чтобы все её рассматривали.

— Эйвери её забирает. Сказать ей?..

— Нет, пусть она забирает к себе тогда. И добавьте остальных. Б... — мальчик споткнулся на фамилии врага. — Блэков тоже. Мне это интересно.

— Видишь? — воскликнула Фарли, когда он ей всё рассказал после ужина. — Ты можешь верить только мне!

— Но зачем ей это? — спросил Гарри, сидя в своей в спальне и беседуя с волшебницей по сквозному зеркалу.

— Ну Эйвери хотела подольститься к тебе. — Джемма ухмыльнулась. — Старостой её не сделали, Монкли спокойно обошла её. Естественно, она недовольна такой ситуацией. А учитывая твоё частое общение с Монкли, помощь ей: всё это порождает зависть. Вот и она тоже решила попробовать подружиться с тобой.

— Подружиться? — зло воскликнул Поттер. — Вписав Слизерина, когда его там нет, тем самым испортив родословную? Я вот начинаю думать, не вписали ли остальные своих предков в мою родословную, чтобы потом...

Гарри не договорил, рассерженно дыша.

— И так было понятно, что целью этого было завязать с тобою крепкие отношения, — миролюбиво продолжила волшебница. — Но ты не переживай так сильно. Принесёшь в Хогсмид свою родословную, я заберу и на выходных всё посмотрю. Может будет что-то, что можно и в мою родословную добавить оттуда. А неверные «приписки» я сразу замечу.

Джемма замолчала, а Поттер никак не мог успокоиться, неожиданно сильно разозлившись на Эйвери за такой обман.

— А если она специально так сделала? Эйвери. Ну чтобы я поверил в это и стал рассказывать про своё родство со Слизерином, а другие ученики, ну те, кто разбираются в древней истории, это увидели и подняли меня на смех?

— Не вижу какую выгоду это принесёт ей. А чтобы другие нашли ошибку... Ну зависит от того, насколько умело она это обставила. На твоём месте я бы не стала подчёркивать или как-то называть своей составленную родословную. Поменьше говори о родословной, пока я её не проверю, а если будут спрашивать, то не забывай подчёркивать, что писал родословную не ты, а другие люди. Это будет правильно. И если она сделана топорно, то позор получат уже они. — Джемма сделала паузу, устраиваясь поудобнее и положив руки на колени. И снова посмотрела прямо в глаза Гарри. — А как там показано родство Поттеров и Слизерина?

— Эм-м, — протянул мальчик. Фёрк подробно объяснял, но он уже запутался в фамилиях. — Вроде бы какой-то Поттер женился на одной из Певерелл, а на другой женился сам Слизерин. На другой Певерелл, я имел в виду.

— И?.. — вопрошающе протянула колдунья. — Всё так и было, но это не даёт тебе родство с самим Салазаром Слизерином.

— Да-да, Бёрк так и сказал. А вот как было написано в родословной, я уже не помню. Вроде бы

уже потомки Слизерина снова женились на Поттерах.

— Значит ещё Бёрк этим занимался. Вряд ли он тебе солгал, чтобы подставить Эйвери. Что ж, такая версия, которую он сделал, более искусная. Многие волшебные семьи считают, что Слизерины пересекались с ними. Не сами Слизерины, а их потомки по женской линии. Однако никаких подтверждений нет, но это позволяет им потешить своё величие. Но Поттеры... Нет, не с Поттерами, так как твои предки...

Джемма запнулась.

— Да-а? — спросил Гарри.

— Ну в давние века Поттеры не были особо зажиточными или очень влиятельными, а Слизерины же ставили власть и чистоту крови выше всего. И их род давно прервался. Последний Слизерин умер в пятнадцатом веке. Его звали Ларвус Слизерин. Он женился на своей сестре Валириане, но так и не продолжил род. Его отец женился на своей двоюродной сестре Тарен. Последние потомки Салазара Слизерина, уже не сохранившие фамилию, это семьи Мраксов и Сейров, но и они вымерли. Кстати, именно Сейры сначала мешали присоединить Ирландию к нам, а потом, наоборот, помогли. Очень сильная семья. Когда-то была. — Джемма покачала головой. — Я прекрасно знаю родословную Слизеринов. Род Слизерина очень древний, корнями уходит глубоко за эпоху до нашей эры. — Она замолчала, проведя левой ладонью по своим волосам, разглаживая их. — Знаешь, меня злит это обозначение «до нашей эры». Это не наше. Не наше! — зло бросила Фарли. — Это маглы придумали. А волшебники послушно используют магловское исчисление, — голос девушки засочился ядом. — О да, великие маги вместо того, чтобы взять за начало исчисления хотя бы дату основания Хогвартса или Александрийской библиотеки, решили следовать за жалкими простецами. Оторопь от этого берёт. Какое жалкое ничтожество до этого додумалось, хотелось бы знать?..

Девушка перевела дух, успокаиваясь. Гарри внимательно слушал, не проронив ни звука. Она рассказывала очень интересно, с эмоциями и живописно, куда там профессору по истории магии!

— Ладно, — продолжила она. — Так вот, Слизерин — это древнейший род. Но в шестнадцатом веке что-то произошло и все записи, архивы и родословные о них были уничтожены. Всё утеряно. Ужасное событие. И восстановить родословную Слизерина стало невозможно, хотя многие пытались. Да, этому посвящено множество трудов. Однако портрет Салазара Слизерина за прошедшие века с момента его создания уже всё забыл и смог сообщить очень немного — лишь про своих родителей. Дальше он уже не помнит, да и разговаривать особо не желает. Остались лишь косвенные упоминания, по которым не удаётся восстановить практически ничего. К примеру, Пифагор упоминает какого-то Слизерина, с которым проводил исследования в шестом веке «до нашей эры» — с долей яда произнесла последние слова Джемма. — А толку-то? Только ветвь от Салазара Слизерина удалось сохранить. У Салазара Слизерина от Аделины Певерелл было трое детей, но всего единственный мальчик Пейрис Слизерин, который мог сохранить его фамилию. Его имя означает чистый. И ещё у Салазара Слизерина были две дочери — Праймила и Сангила. Салазар Слизерин изо всех сил стремился сохранить чистоту крови, поэтому и своего сына Пейриса, и свою дочь Праймилу женил на Певереллах. Певереллы, Мраксы и Сейры сочетали самое ценное и важное, а именно — были могущественны, влиятельны и благородно блюли чистоту драгоценной волшебной крови. Разумеется, каждое из этих трёх семейств было могущественно в своё время. При жизни Салазара Слизерина это были Певереллы, затем, уже после его смерти, стали Мраксы. А первый известный Поттер жил в начале двенадцатого века и никак не мог похвастаться ничем из этого. Да и потом Поттеры в течении многих веков не выделялись, в отличии от десятка богатейших и влиятельнейших семейств, тех же Мраксов, Гринграссов, Сейров, Малфоев, Пуффендуев, Смитов и многих других. Однако, несмотря на это, Салазар Слизерин всё же не желал разбавлять свою кровь даже кровью Певереллов, поэтому свою дочь Сангилу хотел отдать замуж за сына её брата или сестры, но к, сожалению, Праймила родила только дочь Тарен, — Джемма скосила взгляд в сторону, наверное освежая память по какой-то книге, — которая вышла замуж как раз за единственного сына Пейриса — Квалитуса Слизерина. Квалитус приходился ей двоюродным братом. Так вторая дочь Слизерина — Сангила — и умерла бездетной, ненадолго пережив отца. Сам Пейрис Слизерин унаследовал долголетие своего отца, как и его силу, но не хитрость.

— Пейрис — это единственный сын Слизерина? — уточнил Гарри, чтобы снова не запутаться в этих многочисленных именах.

— Да. Пейрис Слизерин слишком кичился своим могуществом, постоянно искал ссоры и был убит в возрасте ста тридцати лет. Женился он, как я сказала, на своей двоюродной сестре из Певереллов — на единственной дочери брата своей матери. Одна дочь Пейриса Слизерина вышла замуж за Мракса, а вторая за волшебника, фамилию которую история не сохранила, но у неё была знаменитая дочь Морригана, которая умела превращаться в ворону. Сейры считают её за основательницу своего рода. А сын Пейриса — Квалитус — боялся, что род Слизерина прервётся на нём, так как он опять остался единственным Слизерином. Поэтому у него было много детей. Но, как я уже сказала, к сожалению, был всего один сын — Ларвуз Слизерин, который и должен был продолжить род. Ларвуз Слизерин взял в жёны свою родную сестру

Валириану Слизерин. Только вот такой союз оказался бесплодным. Ещё у Ларвуза Слизерина было четыре сестры, кроме жены, которые так же выходили за самых чистокровных, а именно за Мраксов. А их дети, которые приходились друг другу двоюродными, женились друг на друге. Из интересного, как я помню, в тысяча четыреста девятом году у Мраксов родились двое близнецов — брат и сестра. Которые потом стали мужем и женой. Вот так и прервался род Салазара Слизерина, — подытожила, вздохнув, Джемма. — Певереллы прервались ещё раньше. Остались только Мраксы и Сейры — единственные потомки Слизерина, но и их роды прервались. Так что...

— Да, — кивнул Гарри, перебивая её, — только ты кое-что забываешь. Я же владею змеиной речью. И ты знаешь об этом. А это...

— Дар самого основателя, — прошептала Джемма. — Значит где-то в глубине веков Поттеры и потомки Слизерина породнились, и ты действительно в родстве со Салазаром Слизерином.

<http://tl.rulate.ru/book/52529/2902450>